
ТЕОРИЯ

Т. В. ПАНФИЛОВА

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ*

СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

«Признание того, что историческая закономерность является разновидностью закономерности общественной, еще не снимает вопроса об их соотношении в действительности. В самом деле, правомерно ли считать, что общественная закономерность имеет более общий характер по сравнению с закономерностью исторической не только в формально-логическом смысле, но что и реально она охватывает более широкую область действительности, чем историческая закономерность?»

Мне представляется, что А. Я. Гуревич предложил различать социологический закон и историческую закономерность¹ для решения сходной проблемы. Однако «сходная» не значит «одинаковая». Уже в предложенной Гуревичем постановке проблемы присутствует особенность, с которой я не могу согласиться. Тем более неприемлемо для меня предложенное им решение. Я имею в виду его интерпретацию соотношения общего закона и исторической закономерности.

* Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 2002. № 3. С. 103.

¹ См.: *Гуревич А. Я.* Об исторической закономерности. Сб.: *Философские проблемы исторической науки*. М.: Наука, 1969.

Начнем с того, в чём я согласна с Гуревичем. Отдаю должное попыткам автора выделить специфику исторической закономерности и полностью разделяю его призыв к тому, чтобы в истолковании исторического детерминизма «отказаться от предположения о его <линейности>, непрерывности и качественной однородности действия на протяжении всей истории»². Отказ от упрощённого <линейного> понимания исторического детерминизма послужил автору основанием для следующего заявления, которое я также разделяю:

«Конкретная историческая закономерность – это закономерность данной социальной системы или структуры. Смена систем есть вместе с тем и смена типов детерминизма, действие которых начинается вместе с возникновением порождающей их системы и прекращается с ее распадом или трансформацией»³.

В приведённом высказывании я улавливаю ценную мысль об «историчности самих исторических законов»⁴, по удачному выражению Л. И. Новиковой. Изменчивость законов поставлена в зависимость от особенностей системы. Поскольку своеобразие детерминации определяется спецификой системы, формулировать ее закономерности придется через ее исследование. Точнее, изучение системы и означает выявление ее закономерностей, это двуединая задача исторического исследования. В таком случае исключается простой перенос закономерностей одной системы на другую, ибо прежде чем заявлять, что обе системы развиваются на основе одних и тех же закономерностей, необходимо сначала обосновать их типологическое сходство и совпадение их по содержанию.

Вместе с тем мне хотелось бы возразить Гуревичу по поводу его представлений о различной природе общих за-

² См.: *Гуревич А. Я.* Об исторической закономерности. Сб.: *Философские проблемы исторической науки.* М.: Наука, 1969. С. 66.

³ Там же. С. 67.

⁴ *Философия и историческая наука. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии.* 1988. № 10. С. 44.

конов и исторических закономерностей. Их соотношение автор сводит к следующему: «Общий закон выражает объективные связи общественно-экономического плана. Историческая закономерность ... вырастает из взаимодействия многих закономерностей, управляющих различными системами: она складывается на основе действия не одних лишь социологических законов, но также и закономерностей чисто хозяйственных, демографических, закономерностей биологической и психической жизни человека, духовной жизни общества, законов природы, во взаимодействие с которыми вступают люди... Это пересечение происходит на основе ведущей закономерности, каковой для общества неизбежно является социологический закон»⁵. Согласно приведенному высказыванию общественно-экономические связи составляют основу *любого* общества и их развитие является общим социологическим законом каждого из них. тогда как историческая специфика каждого общества выражается исторической закономерностью, складывающейся на пересечении закономерностей всех систем разного уровня.

В такой интерпретации мне представляются сомнительными следующие положения: во-первых, метафизический разрыв между социологическим законом и исторической закономерностью; во-вторых, признание общественно-экономических отношений основой общего социологического закона и исключение последнего из исторических закономерностей, точнее, признание того, что социологический закон составляет основу для пересечения всех закономерностей, но не совпадает с историческими; в-третьих, попытка найти *конкретную* историческую закономерность на пересечении *абстракций*. Неубедительность перечисленных положений, на мой взгляд, вызвана неоправданным толкованием закона, на которое опирается автор, выявляя соотношение общих законов и исторических закономерностей. Его рассуждения построены на предположении о том,

⁵ Гуревич А. Я. Цит. соч. С. 63.

что основным в определении закона является фиксация сходных, повторяющихся черт в исторических явлениях. Видимо, по мысли Гуревича, отсюда следует, что в истории должны быть «сквозные» законы, проходящие через все исторические образования и все времена, а, стало быть, настолько абстрактные, настолько оторванные от исторически конкретной действительности, что в них не осталось ничего конкретно исторического, и тогда на долю исторической закономерности выпадает необходимость выражать историческую специфику, в которой, однако, перестало прослеживаться общее, оставшись своего рода фоном для исторической конкретики. Поскольку ни одно общество не обходилось без хозяйства, экономические отношения признаются тем необходимым общим фоном, на котором разворачиваются собственно исторические события. И хотя утверждается, что исторические закономерности возникают на пересечении всех остальных, включая общие законы, метафизический разрыв между ними налицо: общие законы выражают общественно-экономические отношения и не являются историческими; исторические закономерности выражают историческое своеобразие данной системы и не являются социально-экономическими. Их соотношение, на первый взгляд кажущееся диалектическим соотношением общего и особенного, утрачивает диалектический характер.

Мне думается, что как общее, так и особенное необходимо соотносить с целостным образованием, моментами которого они являются. Поскольку «история вообще» не представляет собою единого целого, обнаруженные в ней общие закономерности неизбежно носят формальный характер, т. к. в понятийном отношении выражают *формально общее*, будучи результатом операции отвлечения *сходных* или *одинаковых* черт многообразной исторической действительности. Так понятая общественная закономерность, в самом деле, ничего не говорит о специфике движения истории. Она лишь констатирует внешние, бросающиеся в глаза черты, относительно которых совершенно

неясно, насколько они существенны. Неудивительно, что таким образом истолкованные общие законы оказываются в лучшем случае бесполезными, поскольку ничего в истории не объясняют, а в худшем – вредными, поскольку служат теоретическим основанием для подгонки исторической реальности под них.

Положение усугубляется, если универсальный закон признаётся объективным. По замечанию Гринина, утверждение об объективности универсального закона неизбежно ведёт к догматизму и схоластике. От себя добавлю: замечание совершенно справедливо, если универсальный закон трактуется так, как показано выше, ибо в такой трактовке схоластический отрыв от действительности как бы запрограммирован, обесценивая понятие «закон» в качестве познавательного средства.

Стремясь сделать понятие «закон» эффективным инструментом познания, Гринин предлагает отказаться от идеи объективных универсальных законов, признав, во-первых, их субъективный характер, их зависимость от сознания; во-вторых, их относительность и обусловленность рядом обстоятельств, включая задачу исследования. В результате Гринин предлагает следующее определение: «Законом природы и общества можно назвать условно выделенные нами часть, сторону, аспект и т. п. целостной реальности, у объектов и явлений которой в данных границах мы обнаруживаем определённые общие свойства, причинно-следственные связи и т. п.»⁶.

Относительно общественных законов автор посчитал нужным дать более подробные пояснения, отметив, что они представляют собой научные «утверждения о том, что в историческом развитии на всех уровнях (а также и в любой отрезок времени) любого объекта можно обнаружить определённые *сходства* (выделено мной. – Т. П.) с другими объектами и выделить различия, а также обнаружить опре-

⁶ Гринин Л. Е. Формации и цивилизации // Философия и общество. 1997. № 1. С. 50.

делённые (типичные и особые) причинно-следственные связи»⁷.

Что касается исторических законов, то автор причисляет к ним только законы «среднего и малого действия», по его собственной терминологии, тогда как законы «дальнего действия» он называет законами исторического процесса и считает их «особым, связанным с развитием типом законов»⁸, отвергая при этом «мысль о существовании одного или нескольких абсолютно главных законов»⁹.

Полностью поддерживая выступление Гринина против догматизма, не могу согласиться с ним в том, какова его – догматизма – причина. На мой взгляд, причина неудовлетворительного положения с истолкованием законов в историческом познании кроется в метафизическом подходе к истории. Дело не просто в том, допускаем мы существование универсальных законов или нет, считаем мы их объективными или не считаем, а в том, как мы интерпретируем универсальность, объективность да и закон вообще. Интересно, что сходная мысль встречается и у самого Гринина. Так, подвергнув критическому анализу взгляды ряда авторов на проблему общественной закономерности вообще и исторического закона в частности, автор пришел к правильному, на мой взгляд, выводу, согласно которому «как при критике, так и при апологетике данного понятия ... практически все понимают закон в <классическом> духе, как жесткий и универсальный. Между тем ... без изменения взгляда на содержание исследуемой категории мы не сможем плодотворно использовать ни само это понятие, ни отдельные законы»¹⁰.

Удалось ли автору осуществить свой замысел и основательно изменить взгляд на историческую закономерность? Боюсь, что нет. Неудачу автора я связываю с тем, что он

⁷ Гринин Л. Е. Формации и цивилизации // Философия и общество. 1997. № 1. С. 48.

⁸ Гринин Л. Е. Цит. соч. // Философия и общество. 1998. № 6. С. 34.

⁹ Там же. С. 35.

¹⁰ Там же. С. 7.

своей критикой не затронул основной причины беспокоящих его явлений в осмыслении истории – метафизичности, ибо то, что в вышеприведённой цитате названо «классической» трактовкой законов, куда точнее было бы назвать метафизической, даже механистической.

Стремясь избежать догматизма, Гринин предложил отказаться от самой идеи универсального закона. Думаю, не лишне бы предварительно уточнить, от чего именно отказаться: *только* от расширительной трактовки закона, в результате которой он признается универсальным, или же от такого *способа его истолкования*, при котором возникает возможность необоснованно расширительного его применения. И в этом случае Гринин предлагает не впадать в крайности и остановиться на признании относительного главенства какого-то закона в исследовании некоторого фрагмента или аспекта действительности в противовес универсальности. Другими словами, опять предлагается полумера, тогда как принцип выделения закона оставлен в неприкосновенности. Я имею в виду то, что в законе в первую очередь фиксируется сходство, повторяемость, воспроизводство одних и тех же черт, особенностей или процессов, т. е. *формально общее*. Поскольку выделение сходных черт осуществляется исследователем по собственному усмотрению, выведенный таким образом закон в самом деле несёт на себе печать субъективизма. Вероятно, констатация этого обстоятельства и побудила Гринина специально подчёркивать субъективность закона. И хотя мне уже доводилось упоминать о том, что исследователь действует отнюдь не волюнтаристски, что субъективные предпочтения учёного обычно вызваны весомыми объективными причинами, нельзя не признать, что формально общее не обязательно сущностно связано с характером изучаемой реальности и в этом смысле выведенный закон характеризует скорее какую-то сторону познавательного процесса, нежели существенную связь моментов исследуемой реальности. Открывается простор для субъективизма, в том числе для возведения закона в ранг универсального в силу субъективного предпочтения.

В самом деле, что мешает исследователю выделить наиболее часто встречающийся признак предельно широкой группы явлений и сформулировать на его основе универсальный закон? Например, вряд ли кто-нибудь будет возражать против того, что все исторические события совершаются людьми. Почему бы не вывести универсальный закон зависимости исторических событий от деятельности людей, благо всегда так было и, вероятнее всего, так будет и дальше? Правда, содержание такого закона ограничивается его названием, по справедливому замечанию Гринина, отсюда очевидна его бесплодность, ибо он ничего в действительности не раскрывает и не объясняет. Но именно поэтому я предлагаю отказаться не просто от расширительной трактовки закона, а от формулирования исторических законов на основе *формально общего* и истолковывать исторический закон только как осмысление *существенно общего*.

На мой взгляд, не поможет выйти из положения и вариант, предложенный Гуревичем: разделить общесоциологические и исторические закономерности – и по той же самой причине: метафизический подход к осмыслению истории не отвергается, а, напротив, санкционируется, хотя и с оговорками. Гуревича беспокоит то, что за общими законами теряется человек. Ничего удивительного: в ходе их выведения некоторый общий признак был выделен и абстрагирован *от* человеческого содержания. И предложение признать *наряду* с абстрактными общесоциологическими законами *ещё и* исторические закономерности, тесно связанные с особенностями человеческого бытия и культуры, – это не решение проблемы, а попытка обойти её.

Полагаю, что в данном вопросе Гуревич отдал дань неокантианству, посчитав вслед за его представителями, что общие законы невозможны в науках о культуре, включая историю, поскольку предметом истории является единичное и индивидуальное. Не потому ли, кстати, автор называет общий закон «социологическим», а не «социальным», видимо, с намёком на то, что историческое чуждо

социологическому, ибо социология изначально претендовала на статус «социальной физики»? От того, что дальше содержание социологического закона объявляется социально-экономическим, мало что меняется. Просто здесь отдана дань еще и вульгаризованному марксизму, с той, впрочем, разницей, что неокантианство Гуревич явно принимает, а марксизм отвергает. Такая расстановка теоретических симпатий и антипатий подтверждена и в более поздних работах автора, где историческая наука определена как «наука прежде всего о конкретном и индивидуальном; наукой же об общем и повторяющемся она является лишь постольку, поскольку не игнорирует конкретного и индивидуального, но максимально вбирает его в свои обобщения»¹¹.

Ни в коей мере не возражая против того, что история должна учитывать конкретное и индивидуальное, не могу оставить без внимания тот факт, что общее снова истолковано формально и вынесено за пределы индивидуального, после чего ему предписано вбирать индивидуальное в свои обобщения. Боюсь, что это теоретически ошибочно и практически невозможно.

И вновь призываю неокантианцев себе в союзники, хотя, как было уже упомянуто, не причисляю себя к последователям неокантианства. Однако несогласие по ряду существенных философских положений не мешает мне отдавать должное неокантианцам за верно подмеченные ими устаревшие или догматические подходы к пониманию истории. В частности, я признаю вслед за Риккертом, что общее, понятое как одинаковое и повторяющееся, действительно нехарактерно для истории. Поэтому законы, выведенные как констатация одинакового и повторяющегося, не являются историческими. Однако Риккерт не ограничивается такой трактовкой общего, которую я назвала бы формально-общей. Особый интерес для меня представляет его указание на *историческое* понятие об «общем» как более

¹¹ Гуревич А. Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 38.

обширном целом, поскольку «история всегда рассматривает единичное в <общем>, т. е. как члена некоторого целого»¹². Продолжая свои рассуждения, Риккерт заявляет о том, что «историческое развитие тоже обще лишь в том смысле, что оно образует собой некоторое целое, обнимающее все свои части»¹³. В этом высказывании я слышу важный для меня мотив поиска общего как основы единого исторического целого, т. е. существенно-общего, позволяющего, с моей точки зрения, ставить вопрос об исторических закономерностях, хотя и в совершенно ином смысле по сравнению с законами «генерализирующих» наук.

Из процитированных высказываний наверняка можно сделать диаметрально противоположные выводы. Наверное, можно посчитать, что предложенное Риккертом представление об истории истинно, и согласиться с ним в том, что законы для истории нехарактерны. Мне же кажется более конструктивным другой вывод: описанное Риккертом положение вещей я воспринимаю как предупреждение о том, что будет, если продолжать следовать некоторым сложившимся научным стереотипам. До тех пор пока мы истолковываем общее как многократно повторяющееся, мы обрекаем себя на формализм и закрываем себе путь к осмыслению существенно общего. До тех пор пока мы определяем законы на основе формального общего, мы лишаем себя возможности поставить вопрос об *исторических* законах. Законы всегда будут получаться какими угодно, только не историческими, поскольку историческая специфика из них изначально изъята. Если мы хотим выделить *исторически общее* в качестве основы исторического закона, надо обратиться к исторической целостности, обладающей внутренним единством и индивидуальностью. Правда, последнюю из перечисленных рекомендаций вряд ли следует связывать с достижениями неокантианства. Об этом говорили и Гегель, и Маркс. Тем интереснее мне кажется то, что, рассуждая с совершенно иных позиций по

¹² Риккерт Г. Философия истории // Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, Вист-С. 1998. С. 196.

¹³ Там же.

сравнению с классиками диалектики, неокантианцы подводят нас к сходному выводу.

Приняв во внимание опыт классиков диалектики, а также высказанные предостережения, прихожу к следующему выводу: если мы хотим создать *содержательную* историческую науку, надо искать специфику исторической детерминации, характерную для данного исторического целого. Об исторической закономерности применительно к исторической целостности, на мой взгляд, можно и нужно говорить, но в диалектическом, т. е. содержательном смысле, а не в метафизическом, т. е. формальном.

Наверное, идеальным вариантом было бы терминологическое разграничение типов детерминации. Не имея готовой концепции на этот счет, предлагаю в рабочем порядке довольствоваться простейшим выходом из положения, который я вижу в различении динамических и статистических закономерностей, хотя и не настаиваю на том, что различие между ними полностью соответствует различию между общим законом и исторической закономерностью, по терминологии Гуревича. Тем не менее можно, мне кажется, остановиться пока на том, что историческая закономерность является динамической закономерностью той сферы общественной жизни, которая доминирует в данном историческом процессе, обеспечивая ему целостность и единство. Определение исторической закономерности как динамической указывает только на то, что я связываю ее с движением, т. е. динамикой целостного исторического процесса или системы, и ничего не говорит о способе её реализации. Я признаю, что историческая закономерность реализуется через деятельность массы людей, но достаточно ли этого признания для того, чтобы отнести ее к закономерностям статистическим? Почему динамическая закономерность не может реализовываться таким же образом? По моему, различие между этими двумя видами закономерностей следует проводить по более существенным признакам, чем способ их осуществления. С помощью эпитета «динамический» мне хотелось бы подчеркнуть существенный,

системообразующий характер вскрываемых связей и отношений исторического целого, поскольку я не нахожу пока более подходящего термина и в то же время признаю, что в статистической закономерности существенная сторона исторического процесса необязательно представлена. Впрочем, ещё раз хочу повторить, что называю историческую закономерность «динамической» в рабочем порядке и не возражаю против других вариантов её интерпретации. В данном случае такое определение мне необходимо для осмысления всемирно-исторической закономерности, представляющей для меня особый интерес. Определив всемирно-историческую, или универсальную закономерность как динамическую, мы получаем возможность охарактеризовать не просто действия большого количества людей или даже всего человечества, а движение всемирной истории как единого целостного процесса, скрепленного системными связями.

Если целостное историческое образование формируется на основе экономических закономерностей, их и надо признать системообразующими *в данном случае*, т. е. *историческими*. Не вижу никаких оснований для того, чтобы считать, будто экономические закономерности в принципе выпадают из исторических. Они возникают как необходимая сторона совместной человеческой деятельности, а при определенных условиях выходят на первый план, выполняя роль интегратора всемирной истории. В то же время не вижу оснований для того, чтобы считать экономические закономерности определяющими во всех случаях жизни. Подобно любым другим общественным отношениям, они складываются в ходе совместной человеческой деятельности и в зависимости от ее особенностей могут выполнять и подчиненную роль.

Таким образом, историческая закономерность, как мне представляется, – это не нечто, стоящее особняком по отношению к экономическим или каким-либо другим общественным закономерностям. *Это динамические общественные закономерности, определяющие специфику*

целостного исторического образования, вне зависимости от того, в какой сфере человеческой деятельности они проявляются. Вместе с тем мне представляется необоснованным называть историческими статистические или эмпирически выведенные закономерности, даже если они характеризуют некоторые исторические процессы, скажем, массовые движения. Не они сами по себе, а их результаты могут составить основу исторической закономерности.

ПРОБЛЕМА ПРЕДСКАЗАНИЯ В ИСТОРИИ

Выявление исторических закономерностей создает возможность для предсказания. Поскольку историческая закономерность свойственна только целостному историческому процессу – локальному или всемирному – предсказание действенно в рамках соответствующего процесса. На первый взгляд может показаться, что оговорки излишни, если речь идет о всемирно-историческом, т. е. об универсальном процессе. В действительности же, я полагаю, многие недоразумения в области прогнозов связаны именно с игнорированием принципиальной ограниченности предсказания рамками того процесса, в который реально включено интересующее нас явление. Так, из того, что всемирная история имеет тенденцию стать всеохватывающей, еще не следует, будто она уже охватила все исторические проявления. Соответственно предсказание, сделанное на основе всемирно-исторических закономерностей, будет более или менее надежным только по отношению к явлениям, полностью включенным во всемирную историю и функционирующим на основе ее закономерностей. Если какая-то страна включена во всемирную историю отдельными своими частями, а не целиком, прогноз имеет смысл составлять только относительно этих частей, а не страны в целом.

Со всеми этими проблемами мы сталкиваемся в попытках предсказать ход развития России. Недостатка в прогнозах относительно будущего России мы не испытываем, но кто из предсказателей посчитал нужным показать, что Россия представляет собой исторически целостное образование, развивающееся на основе собственных закономерностей

стей? Я не утверждаю, будто это не так. Я настаиваю на необходимости проделать эту работу, прежде чем пытаться спрогнозировать что-либо в истории России. Расхожие термины типа «общество» или «государство» мало чем помогут, потому что чаще всего мы их употребляем не считаясь с требованиями научной точности и не утруждая себя доказательством того, что, скажем, современное российское общество действительно является социальным организмом, как того требует определение общества. Поскольку не доказано, что российское общество соответствует понятию «общество», нельзя исключать того, что исследования показали бы отсутствие в России единого социального организма, который следовало бы называть «российским обществом», а стало быть, необоснованность прогнозов, построенных на предположении, что Россия развивается на основе собственных законов.

Больше того, некоторые части России, особенно крупные города и территории нефте- и газодобычи, уже охвачены глобализационными процессами и реально функционируют по законам единой всемирной истории, тогда как значительные регионы страны лишь слегка затронуты ими, а то и вовсе живут натуральным хозяйством. Правомерно ли делать предсказания относительно страны в целом с учетом этого разрыва? Понятно ведь, что разные регионы России включены в разные хозяйственные системы, а следовательно, подчиняются разным закономерностям.

Но и на этом не заканчиваются проблемы предсказания. Ведь даже если удастся выделить исторически целостный процесс, в основе которого лежит историческая закономерность, необходимо еще и выявить пределы, до которых распространяется действие данной исторической закономерности, прежде чем приступить к прогнозу. Я имею в виду не только пространственные границы их действия, но и степень зрелости тенденций данного процесса, поскольку надежный прогноз возможен только при наличии зрелой тенденции.

Выходит, что проблематичность предсказания связана не только с трудностью выявления исторической закономерности или устойчивой тенденции; трудность усугубляется еще и необходимостью определить степень зрелости тенденции и пределы ее действия. А на сегодняшний день вряд ли можно считать решенным вопрос о том, достаточно ли вызрели тенденции всемирной истории, чтобы можно было называть их закономерностями, и в достаточной ли мере сформировался всемирно-исторический субъект, чтобы быть в состоянии их формулировать. Мне уже доводилось писать в упомянутых ранее изданиях о том, что о некоторых закономерностях, связанных со становлением человека в качестве субъекта всемирно-исторического процесса, мы, на мой взгляд, уже в состоянии судить, тогда как некоторые другие тенденции всемирной истории, хотя и фиксируются, пока не обладают достаточной устойчивостью, чтобы считать их закономерностями.

Таким образом, прогнозирование является живой, постоянно воспроизводящейся проблемой, требующей столь же постоянной исследовательской работы. Но хотя прогнозирование представляется мне делом весьма затруднительным, оно не безнадежно. Попытка предсказать будущее, пусть и ограниченное рамками какого-то процесса, имеет как теоретическое, так и практическое значение. Просто не следует возлагать на прогнозирование чрезмерно больших надежд, надо учитывать его принципиальную ограниченность и связанные с ним трудности.

Подводя итог сказанному, хочу еще раз подчеркнуть, что вопрос об исторических закономерностях правомерно ставить, на мой взгляд, только применительно к целостному историческому процессу и в его осмыслении придерживаться диалектической методологии.